

АЛЕКСАНДР РАЗУМОВ

Свобода и выбор в истории

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора —
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Борис Пастернак

(Нобелевская премия, январь 1959 года)

Необходимость выбора сопровождает весь период человеческого существования. В проблеме выбора слились компоненты мифологического, философского и религиозного мышления, естественнонаучного и гуманитарного знания. Мы начинаем с борьбы добра и зла, поскольку добро и зло логически предшествуют выбору; их следует иметь в виду, делая выбор. Наша история несет семена и прорастает всходами добрых и злых деяний, борьбой «света и тьмы». Борьба идет с переменным успехом, а в наших головах не одни серафимы и херувимы крылами машут.

Творчество, свобода, выбор, добро и зло образуют единый проблемный узел, в который стянуты вопросы существования, не исключено — что и ухода человеческого рода. Все они суть предметы исторического мышления, раздумий, убеждений, идеологий, верований и Заветов, то есть Истин, адресованных потомкам. Заметим, что на поставленные вопросы каждое время пытается дать собствен-

ные ответы, глядя на них с вершины исторического опыта. Вершина, правда, скользит по оси времени, унося окончательные ответы в неопределенность будущего. Мы, таким образом, живем в мире, которым управляет время и о котором узнаем то, что оно нам позволяет узнать. Даже откровения, даже Слово Бога меняют смысл, обогащаются творческой свободой истолкований, свободой нашей субъективности и субъективного выбора из разных толкований. Но это еще не все сюрпризы, которые несут моей субъективности различные времена, моему сознанию, определяющему мое бытие. Мои (идейные) предки соотносились с Иисусом из Назарета. Но кроме Христа были еще Моисей, Соломон, а также Будда, Шаохао, Вьяса, Вальмики-Адикави, Вишнамитра, Конфуций, Лао-Цзы, Заратустра... Пора переходить к взгляду на прошлое из своего сегодня.

В той мере, в какой я являюсь европейцем, мои идейные истоки следуют искать у берегов Мертвого моря и

греко-римского Средиземноморья¹, а значит, в моем уме должны причудливо сочетаться и Библия, и логические трактаты Аристотеля («Учителя»). Библия задавала и поныне задает ценностные ориентиры культуры; трактаты, позднее названные «Органомом», требуют их рационального обоснования (см. Бл. Августин, Фома Аквинский). Во мне присутствуют античная уверенность в изначальной гармонии мира, возможности ее рационального обоснования, идея римского права и то, что с большим трудом вписывается в рациональную реальность, — вера в казненного на Голгофе Бога, провозгласившего Любовь на все времена. Я — европеец и главным образом европеец, даже если, подобно выдающемуся сыну Серебряного века Александру Блоку, объявляю себя скифом и азиатом. Даже если «я» — атеист, я — греко-христианский атеист. В душе моей светится христианский моральный кодекс, а ум обожествляет природу.

Можно сказать, что, питаясь от обоих источников, я исповедую и принимаю некую многозначную, вероятностную логику христианства². Я разворачиваю для себя систему (логику) смыслов, где можно встретить многозначность и многозначительность, возможность противоречивых толкований и совместимость противоположностей. В разных исторических обстоятельствах, как уже отмечалось, возможны разные прочтения текстов. В Библии можно без труда отыскать все эти «потенции».

Проблема выбора, как уже говорилось, сопровождает весь период человеческого сознательного существования. Возможно,

оно и началось с выбора. Продолжая «традиции» биологической революции, выбор стал существенной характеристикой, атрибутом бытия человека с тех пор, когда сознание взялось корректировать инстинкты. Совсем недавно, в последние тысячи лет, человек стал личностью, и многое в нем изменилось. Поле возможностей для свободного выбора значительно разросло (культурами) и лучше возделано. У нас провозглашаются свобода вероисповедания, право наций на самоопределение; мы можем выбрать политическую платформу, партию, к которой примкнешь, президента, за которого можно отдать свой свободный голос. В отличие от наций, платформы и партии можно менять. Для отдельного персонажа, правда, жизнеориентация и смена жизнеориентации далеко не всегда являются результатом свободного выбора, зато он всегда может выразить несогласие, даже протест действием или оставаясь в пределах внутренней свободы мысли — что чаще всего и случается. В общем, в этом надлежит разбираться.

В мире, управляемом временем, все, что однажды возникло, имеет свой неизбежный конец. Время дарует возможность выбора, и время лишает нас выбора. Земное, телесное бытие человека в итоге оказывается трагичным. На мне лежит печать, давит пресс неизбежного конца. Давит на моих друзей и близких. У нас нет выбора, здесь кончается наша свобода. Но это еще полбеда. Можно рассчитывать на жизнь в потомках, в памяти людей и даже поколений. Трагедия в том, что выбора нет у всего человеческого рода, над которым также висит неотвратимость исчезновения. Можно сколько угодно глубокомысленно и изобретательно отслеживать варианты «антропного принципа», начиная

¹ О влиянии античной философии и культуры см.: **М. К. Петров**. Античная культура. М., 1997.

² Подробнее см.: **В. В. Налимов**. Спонтанность сознания. М., 1989.

³ См. «РБК daily». 09.08. 2011.

с мировых констант, сингулярности и Большого взрыва, — это не отменит нашей космической обреченности.

Сама наша Вселенная перестанет быть таковой, то ли вследствие перехода вещества в излучение, то ли из-за Большого сжатия и коллапса всего пространства и всей материи. Так утверждают современные космологические гипотезы. Впрочем, они утверждают еще много любопытного о вселенных разных измерений, свернутых мультивселенных, вселенных с отрицательным направлением времени и т. д., но они не должны нас интересовать — как не имеющие отношение к проблеме моего выбора. Пока не имеющие. Зато к этой проблеме имеет отношение такое соображение-вопросание: зачем, имея в виду космическое исчезновение моего рода, зачем мы стремимся узнать, что было за миллиарды лет до нас, и что будет через миллиарды лет после нас? Затем, чтобы знать, кто мы сегодня! Затем, что предпочитаем Знание невежеству. Затем, что трагедия рода — это оптимистическая трагедия.

В любом случае гипотезы суть порождения творящего времени. Напомню отмеченное И. Р. Пригожиным («Нобелевская премия» за 1977 год) свойство времени создавать из хаоса порядок³. Везде, где есть диссипативные (неравновесные) структуры, включаются механизмы самоорганизации с характерными моментами раздвоения (бифуркации) возможного пути, а значит — и выбора. Это фундаментальное свойство физических систем продолжается в биологии и социологии, и мы знаем, что там, где есть возможность выбора, есть и надежда.

Пригожин был атеистом, но, похоже, люди никогда не откажутся от

древней традиции связывать смысл собственного существования с надеждой на вечную жизнь, с верой в Предвечного. Хотя можно, конечно, оправдать наше появление в мире космических явлений и без веры в Сверхъестественное, тем более что такое оправдание может совсем не противоречить самой искренней вере в Создателя. Как и наоборот: вера в Творца может совсем не противоречить еще и космическому оправданию нашего появления во Вселенной. Современная наука отрицает существование Абсолютного Наблюдателя (хотя не знаю, чем он ей помешал), а значит, отрицает и Абсолютную Истину, что, похоже, следует из истории познания.

Успехи в понимании того, что лежит в пределах и за пределами «юдоли бренной», подвигают к пониманию, что мысли и сознание являются моментами самопознания Вселенной, в особенности если мы, вопреки представлениям Дж. Бруно, одиноки и уникальны в мирах вещей и энергий. Задание не из простых, но если исполнится — это вполне оправдает наше появление из глубин Космоса. Но вот наше моральное оправдание, точнее —самооправдание, зависит от того, сумеем ли мы в полной мере использовать отпущенные для этого космические и биологические сроки. Может стать, что мы окончим жизнь каким-либо из вариантов суицида, самым невинным из которых является создание систем такой степени сложности, когда их поведение становится непредсказуемым для думающих андроидов, рядом с которыми нам едва ли найдется место. Едва ли найдется место для наших миров поэзии и прозы, звуков и красок, для нашего толкования мировой гармонии. К ним перейдет право выбора.

Еще печальнее, если «свобода творчества» занесет нас куда-нибудь

³ См.: И. Пригожин, И. Стенгерс. Время, хаос, квант. М., 1999; И. Пригожин. Конец неопределенности. Ижевск, 1999.

далее «века физики» с такими его изобретениями, как термоядерная «слойка» выдающегося физика и гуманиста А. Д. Сахарова. Занести нас может в век нанотехнологий с его значительно большими возможностями продвижения в отмеченном здесь направлении. Может быть, уже занесло: моей свободной мысли никто об этом не докладывал. Но я продолжаю далее свои изыскания в области свобод и выбора в надежде, что каким-то образом совокупному человечеству удастся избежать преобразования отмеченных потенций в прискорбную для всего планетарного «биоса» актуальность. Но если сбудутся прогнозы «трангуманистов» и люди в итоге обретут бессмертие микрочипов, компьютерных программ и заменяемых металлоконструкций, то теряют смысл все мои предшествующие и последующие упражнения ума.

Задача морального оправдания нашего существования не становится менее сложной. Более того, она разрастается до глобальных масштабов, до настоящей необходимости включить древнее «золотое правило нравственности», категорический императив и общечеловеческую мораль в мировое сознание. Самым бесспорным повелением своему народу, человеческому роду, которое «из среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно» изрек Господь на горе Синай и для верности записал на каменных скрижалях, была Заповедь «не убий». Сколь трудна она для исполнения, не подозревали тогда ни вождь и воитель Моше-Моисей, ни народ его, выведенный из рабства, из плена Египетского. Не подозревали и не понимали они, что прикоснулись к самому главному и фундаментальному выбору, который тысячелетия будет сопутствовать человеческой

истории, будет творить и определять историю. Это выбор войны и мира. От выбора и от «убий» пока не могла уклониться ни одна самая человеколюбивая религия, поэтому наши опасения безвременной кончины рода вовсе не напрасны. На «убий» тратятся колоссальные средства, работают лучшие, самые продуктивные ученые умы, государства, а «непротивленца», поборника мира Льва Николаевича Толстого отлучили от церкви. Ни один мир не воспевался в таких поэмах и сагах, как это случилось с войнами.

Не убежден, что за несколько ближайших поколений мировому обществу удастся окончательно и в положительном смысле решить проблему выбора между войной и миром. Разве что снизойдет на него «полный коммунизм» или еще лучше — в мир явится «святой город Иерусалим, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» и «смерти не будет... ибо прежнее прошло» (Откр. 21:2). Но лучше, не дожидаясь, когда «ангел вострубит», уже сегодня сотворить многополярный мир и загрузить мировой Нус новым многополярным содержанием? Потребуется, ясное дело, взаимокоррекция интересов. Еще хорошо бы вспомнить учителя Лао-Цзы: «Путь в тысячу ли начинается с одного шага».

С другими заповедями, выбитыми Господом на скрижалях, дело у нас в России обстоит не лучше, чем с «не убий». Да и пожелание «не убий» относится не только к войне и миру, но и к развитой отечественной уголовной практике. Следует сказать несколько слов о заповеди «не укради», о не всегда очевидном выборе между законом и беззаконием. Напомню, что в России всегда были сложные отношения с правом — начиная с царей и царевубийств, кончая «голью кабацкой». Жили не по закону, а по «понятиям» и

по «совести». Возвращаясь к «не укради», надо отметить, что внедрить в народное сознание эту заповедь едва ли возможно, если сеять семена ожиданий на каменистую почву современной реальности. «Укради» сегодня — это системообразующий фактор, присутствующий в российском обществе везде, где коррупционная составляющая вмешивается в движение бюджетов-финансов, товаров и услуг (канцелярских, полицейских, медицинских и иных) населению. Коррупция, бывает, сопровождает человека от роддома до морга и далее. Выбирает ему кладбище.

В феврале — марте 2012 года состоялись выборы Президента РФ, в ходе которых российским народам наговорили много лестного кандидаты в президенты со товарищи. Было заявлено, что наш общий паровоз вперед летит, на всех парах продвигаясь к остановке под названием «гражданское общество». «Гражданское общество» поручило своему избраннику еще шесть лет контролировать правительство, администрацию, парламент, суды, прокуратуру, а также армию, полицию, спецслужбы и весь комплект внутренних и внешних политических отношений. В общей сложности народ поручил одному своему избраннику держать скипетр демократии и находиться у кормила государственного корабля в течение, вероятно, восемнадцати лет. Пока. Столько ни один генсек, исключая товарища Сталина, у власти не удерживался. Это еще с трудом, но допустимо. «Гражданские общества» переживали разные исторические метаморфозы. Но вот что поражает мое воображение: «гражданское общество», которое изнутри разъедает

коррупция, — это что-то новое, это наш оригинальный вклад в мировое развитие и в историю политических учений. И это еще не все, и здесь еще рано ставить точку. Обратимся к главному.

Как можно понять, опираясь на собственные наблюдения, взятки и подкуп образуют устойчивые системы связей, вертикали и горизонталы; «творят» особые социальные группы со своей психологией, ценностными установками и интересами. То есть мы имеем дело с особой онтологи-

В России всегда были сложные отношения с правом — начиная с царей и цареубийств, кончая «голью кабацкой». Жили не по закону, а по «понятиям» и по «совести».

ей, достойной внимания аналитиков. Отмеченный системный характер криминального фактора образует сферы влияний в области экономических отношений и политического управления. Да, чуть не забыл о давних связях между нашим финансово емким и сексуально дезориентированным шоу-бизнесом и уголовными структурами. При всем при том верхний этаж политической власти старательно не замечает системного, фундаментального характера российского воровства, который не желает исчезать, невзирая на предпринимаемые усилия и гуманизм вроде отмены смертной казни — в том числе за «хищения в особо крупных размерах».

Вовсе не хочу сказать, что в океане воровства и коррупции нельзя отыскать острова, архипелаги и даже материи честности. Можно, но не

они определяют климат; и именно воровство и коррупция должны быть заложены в фундамент памятника под названием «Благие намерения». Предстоит долгий путь изменения сознания, которое наступит не иначе, как вслед за изменением групповых интересов и упомянутой скрытой онтологии. Каким образом этот путь прошагать, надо думать вместе, не возлагая эту обязанность на одного только выдающегося президента, министров-капиталистов и лучших в мире законодателей с полковником В. В. Жириновским в их числе. Может случиться, что совместные раздумья и есть начало дороги, которую следует одолеть. На ней, возможно, станет формироваться новый духовный мир наших внуков и правнуков.

Постоянно заново толкуя и перетолковывая прошлое, не мудрено утратить всякий контроль над будущим, которое и без того неоднозначно. Мы лишили свое настоящее мечты (чему способствовали бывшие «вожди»), не придумав взамен ничего нового. И получили Ельцина в Кремле, о котором я, повинувшись указаниям древних, не говорю ничего. Еще мы получили новый бомонд (из парвеню) и хорошо известное многое другое. Из прежней коммунистической мечты мы оставили только мечту о высоком уровне потребления, отбросив библейские заветы о равенстве и справедливости. Поскольку в любом случае «всего на всех не хватит», следует на основе «укради» отдельным лицом «догнать и перегнать Америку».

Пожалуй, в очередной раз придется начинать все с начала. Но возможно, мы стали лучше понимать собственную историю. Будем надеяться. Возможно, на этот раз начнем с реформ, а не с экспериментов. Еще раз вспомним Лао-Цзы насчет движений в тысячу ли. Мы опять перед выбором и обязаны понять, перед каким

именно. И похоже, время обратиться к другим, более обнадеживающим заповедям. Похоже, стоит продолжать движение, имея на курсе заповедь «возлюби».

Спаситель Иисус из Назарета значительно более других радикален и настойчив в рекомендации «возлюби»: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). До Божественного понимания любви мне, признаюсь, далековато, но зато я имею возможность и желание говорить о любви не столь небесной и возвышенной. Хочу кое-что сказать о своем отношении к Отечеству, к России. Правда, сразу же возникает вопрос: о какой любви идет речь? О любви в ее всепрощающем, религиозном, евангельском или в античном, греческом, рациональном толкованиях. Второй вариант делает крайне затруднительным та часть российской истории, которую при всем желании вряд ли можно назвать разумной, хотя места для самопожертвования и героизма в ней и тогда, и всегда хватало. Хватало подвигов в борьбе за веру.

Немного отвлекусь и во избежание недоразумений отмечу, что наша греко-христианская типология ума во все не означает единомыслие и отсутствие индивидуального своеобразия. Скорее она указывает на общее историческое происхождение отдельных состояний национального сознания из таких источников, как греко-латинские школы, Славяно-греко-латинская академия, готовившая «кадры» для нужд государства и церкви (вторая половина XVI века). Позднее общеобразовательную функцию по обучению сельского населения выполняли церковно-приходские школы. Как правило, они имели замечательные библиотеки, содержавшие не только

церковную, но и светскую литературу. В основном в известное время они были разграблены, что также проливает определенный свет на российскую любовь и рациональность.

История государства Российского знавала погромы, бунты, мятежи, революции и гражданские войны, в отношении которых я и мои сограждане никак не можем прийти к единому мнению. История родины знала «смутные времена» — последнее из них теперь называют «лихие девяностые». И опять мнения расходятся: на одном полюсе значится массовое ограбление, на другом — борьба за демократию и рынок; на одном полюсе мы имеем развал державы и миллионы русских, в одночасье ставших оккупантами и изгоями, на другом — возвращение России в мировую цивилизацию.

На уровне общественного сознания мы пока не в состоянии осмыслить всех последствий нарушения «равновесия диких сил», разрушения послевоенного миропорядка. После распада СССР этот миропорядок рухнул навсегда, и многие не понимают, что мировое сообщество вступило на порог неизвестности и непредсказуемости. Не думаю, что эта проблема совершенно прозрачна для наших аналитиков. Кстати сказать, насколько мне известно, никто еще всерьез не изучал вопрос о том, насколько развал державы повлиял на антропологию российского человека, на уровень самосознания народов (русского в частности), на алкоголизм, наркоманию, уровень крупного и мелкого воровства, на регрессивные тенденции в области культуры. Никто не изучал, как этот «демократический» (вопреки референдуму) акт повлиял на чувство государственного достоинства личности и отразился в малопонятной сфере «коллективного бессознательного».

Но давайте скажем об известном, несомненном и важном: Россия — мировой чемпион ушедшего столетия по количеству загубленных жизней. Оставим без комментариев мировые войны и цену, заплаченную за Победу. История российских народов в XX столетии весьма обильна смертоубийствами, вину за которые следует возложить в основном и главным образом на внутренние причины. Таковы революции, или «перевороты», и гражданские войны начала и конца века. Войну на Кавказе никак не желают завершить остатки бандформирований и террористы. По всему по этому «какую Россию мы выбираем?» — вопрос не праздный, достойный обсуждения, во всяком случае.

Совсем недавно, если по историческому масштабу, мы избрали руководителем страны тов. Сталина. «Этот повар будет готовить только острые блюда», — предрекал будто бы тов. Ленин. Действительно, при нем осуществили электрификацию и индустриализацию, добились «ликвидации безграмотности». Создали самую сильную в тогдашнем мире сухопутную армию и мощный военно-морской флот. Но при нем же была сооружена преисподняя ГУЛАГа, и он же приперчивал управление арестами, расстрелами, страхом; истреблением отдельных социальных групп и классов; гонениями, депортацией, переселением народов. Еще он заслужил народную любовь, стенания и плач; много раздавленных во время похоронных шествий и яркую прощальную речь Лаврентия Берия: «Но и под этой великой тяжестью не согнется стальная партия». Многие, включая руководителя КПРФ, и поныне воздают должное, славят сталинское строительство социализма и Верховного Главнокомандующего. И многие до сих пор не возьмут в толк, что сколоченное насилием государство

обязано было развалиться и развалилось еще и от того, что некогда на его территории свирепствовали и унижали народ активисты из служб Ягоды, Ежова, Берия и подчиненных им войск, насаждавших доносительство и повальное единомыслие.

Еще раз хочу подчеркнуть, что любовь моих сограждан к Отечеству не может основываться на одних только рациональных соображениях — слишком много надо соображать о неприглядных сторонах настоящего и былого. У меня не меньше оснований для критических оценок, чем у революционного демократа, эмигранта, автора «Былого и дум» А. И. Герцена. Возьмем, скажем, мои думы о государстве. Если учесть, что государство — не просто огороженная погранвойсками и заселенная территория, но главным образом государство — это ряд определенных социальных групп, объединенных властью для управления народом и территорией. В состав государства входят спецслужбы, армия, полиция, столетиями входила церковь, но основной управленческий массив образует служилый люд или чиновничество, о который напрасно обламывали сатирические перья М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов или упомянутый А. И. Герцен. Напрасно, потому что чиновник — самый верный из состава государства союзник власти. В определенном смысле он и есть власть в России, анонимная власть, которая сегодня управляет народом не меньше, чем всенародно избранный Гарант, и, конечно, больше, чем Конституция.

Мои думы касаются былых государств, которые мне довелось пережить на своем веку. Я думаю о том, что не всякому государству я вручил бы недра и водоемы России, не каждому из них доверил бы собственную судьбу. Но более всего мне хотелось бы со-

орудить достойное государство, которому можно было бы что-то вручить и доверить. Замечу, что критическое отношение к социальным установлениям и стремление видеть в них строительный материал для более совершенного и разумного будущего уходят корнями в античность, ведут к моим идейным историческим прародителям. Но если не удастся построить ничего похожего на идеальное государство Платона, Канта или Гегеля, то лучше быть вовсе отделенным от государства, как церковь.

В истории моей страны и населяющих ее народов происходило много возвышенного и замечательного. Она отмечена героизмом и подвигами, о которых обязаны помнить мы и грядущие поколения. В XX столетии, как и в иные времена, создавались шедевры оперы и балета, живописи, архитектуры, театра, кинематографа и т. д. Но я в данном случае толкую о другом — о заповеди «возлюби», не вызывая к которой, сложно объяснить нашу привязанность к России. Как минимум Россия должна провоцировать противоречивые к себе отношения — и действительно провоцирует. Так, наша теоретическая и прикладная физика, кроме упомянутой «слойки», изобрела атомную энергетику и еще многое что и проникает в другие области знаний, где используют ее достижения и методы. Но ныне мы (от «бескормицы») наблюдаем начинающуюся деградацию фундаментальных наук. Жаль, потому что впереди ждут тайны «темной материи» и «темной энергии». А у нас — «бегство умов» и утрата престижа ученых профессий. Не создается ли впечатление, что, когда рядовой полицейский генерал в престижном и финансовом отношении главою вознесен выше ученого — академика РАН, это признак надвигающейся гуманитарной катастрофы?! Не единственный, конечно.

Мне не по душе такие свидетельства упадка, как тенденция раздувания полномочий президента РФ, внедряющего малоэффективную властную вертикаль администраторов и исполнителей высших решений. Это при урезании полномочий законодательной и при большой проблемности судебной властей. Так, не является особой тайной, что глубина и обоснованность судебных решений часто решающим образом зависят от глубины карманов участвующих в процессе лиц. Нас должно успокоить то, что решения судов во многих случаях попросту игнорируются гражданами нашего оригинального правового государства. Должно, но не успокаивает — так же, как не воодушевляет возможность, благодаря существующей коррупции, отыскать быстрое решение проблемы, которое иначе заволоклось бы огромным количеством «необходимых» бумаг и массой согласований. Замечу, что все это мы имели, когда во главе государства пребывал всенародно избранный юрист, навсегда вошедший в историю государства переименованием милиции в демократическую, цивилизованную полицию.

Конечно, такого рода заслуги нельзя приписывать одному только действующему тогда президенту. Как минимум он должен разделить заслугу со сменщиком, с тем, кому он пришел тогда на смену из правительства в президентство, кто сегодня пришел ему на смену из правительства в президентство и кому он пришел на смену в правительство. Кажется, я ничего не перепутал... Наша демократия хороша, но это — не предел совершенства. Скажем, демократия Спарты, как и у нас, во многом обеспечивалась нищетой и трудом илотов. Но Спарта была более «демократичной»: там «выбирали» сразу двух «президентов» — двух царей, и каждый был на своем месте.

Пока царь Леонид, спасая Грецию от разграбления, сдерживал огромную армию персов в Фермопилах, второй царь с войском сторожил в Спарте илотов, опасаясь возможной демократической смуты.

Может быть, и нам стоит освободить илотов и иной рабочий люд от изнурительной необходимости избирать и переизбирать и без того известных персонажей? Когда Николай II, идя на поводу у либералов, провозгласил избирательное право, оно было заявлено «всеобщим». Все имели право голоса, кроме детей, малых народов и женщин. Еще и еще раз вслед за поэтом повторю: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить». «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой», — толкует Лермонтов «под говор пьяных мужиков». Ну, а какой еще любовью, кроме странной, мог любить отчизну поэт Пастернак, с которого начался разговор о всепобеждающей силе духа добра, и подавляющее большинство других поэтов, вечно конфликтующих с властью?! Иное дело, что «духу добра» суждено еще долго блуждать по дорогам истории, прежде чем он явится в полном объеме. В «Грядущем Хаме» Дмитрий Мережковский разъяснил, что власть Божия как истина явилась в Ветхом Завете, в царстве Отца; во втором царстве — Сына, Новом Завете, — открылась истина как любовь. И только в последнем царстве — Духа, в Грядущем Завете, — откроется любовь как свобода.

Пока нам приходится существовать в «царстве любви». Наверное, оно сильно владело и продолжает владеть христианскими умами, если провозглашалось и после того, как православный народ почти отверг православие и вырезал или изгнал несогласных. Точнее, не народ, а некая значительная социально-активная часть народа.

Заслуженно уважаемый сегодня И. А. Ильин писал статьи «только для единомышленников» из Русского общеоинского союза (РОВС). В 1951 году (февраль) он написал статью «О русской идее», изданную на ротаторе. В наиболее «трудную и опасную эпоху русской истории» он утверждал, что русская, творческая, национальная идея, выражающая русское историческое своеобразие и историческое призвание, есть «идея сердца». Она утверждает, что «главное в жизни есть любовь», что «из любви рождаются века и вся культура духа». Она, в отличие от иудаизма и национализма, не требует повиновения от других. Основываясь на христианстве православия, она преклоняется не перед «силою» (первобытные религии) и не подчиненном закону догматическом моральном правиле, не перед мыслью, как протестантизм. Русское православие воспринимает Бога любовью, что определяет церковные песнопения и архитектуру. Сердце и созерцание русской идеи требуют свободы. Их творчество без нее угасает. «Русская идея есть идея свободы созерцающего сердца», «свобода не для саморазнуздания, а для органически творческого самооформления»⁴.

Теперь, объяснившись с помощью уважаемых предков в любви к России, хочу присоединиться к их пожеланиям свободы и творчества ее обитателям. Присоединиться хочу, но не очень у меня получается. Подобно остальным моим современникам, я мню себя находящимся на вершине опыта. Смущает, правда, что в генетическом отношении я ничем не отличаюсь от охотника на мамонтов. Конечно, я знаю: чтобы выбрать свободу и творчество, необходимо хотя бы минимизировать влияние

тех российских пороков, о которых речь уже заходила. Существует еще глобальное измерение, в которое вписываются российские проблемы, и решение которых пока не слишком вдохновляет. На глубинный вопрос Эриха Фромма «Иметь или быть?» мировое сообщество пока отвечает: «Иметь!» Иметь не только имущество и финансы, но иметь и знания — для контроля и обладания. Стратегия «иметь и обладать» чревата не только такими последствиями, как «продолжение политики иными средствами» (К. Клаузевиц), то есть война, но и такими, как антропогенная катастрофа, вслед за необратимыми изменениями биосферы. Не думаю, что от этих угроз может спасти одна христианская любовь. Надо актуализировать и подключить сферу Разума, науку и новую рациональность.

Но здесь я обязан подняться на новый виток спирали обсуждаемой темы. Я приступаю к завершающему, возможно, самому сложному этапу своего обсуждения. Мне надо обратиться к пониманию того, как выглядит и решается проблема выбора с позиции определенной философии истории. и

Понятие «история» многогранно. Мы называем историей некий ряд событий (процессов), случившихся в определенный отрезок времени человеческого существования. Мы говорим «история», имея в виду память об этих событиях-процессах, сохранившихся в преданиях, мифах и сагах, в различного рода письменах. Наконец, под историей мы подразумеваем науку, а правильнее — систему наук, с помощью которой люди пытаются рационально реконструировать и обогатить память о собственном прошлом, чтобы понять настоящее и заглянуть в буду-

⁴ См. «О грядущей России». Джорданвилль; Нью-Йорк, 1991.

щее. Мы пытаемся разделить истину и вымысел, но удастся это далеко не всегда.

С появлением теории относительности и квантовой механики физики поняли невозможность определить событие в микромире наблюдателем этого события. В истории утвердить эту истину значительно сложнее, даже если это история физики. Честь и слава, например, всем великим отечественным историкам, но история Н. И. Костомарова отличается от истории Н. М. Карамзина, не говоря уже об истории в изложении М. С. Грушевского. Кому мы отдадим свой голос, кого выбрать в наставники? Незаслуженно почти забытый сегодня историк М. Я. Гефтер — человек трагической судьбы, писал: «Любой народ, любая страна — заложники своих начал. Мы же не страна. Мы — страна стран. Мы наследники сугубо разных начал. Мы — кентавр отроду, встроенный напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых — “человечество”; “единственное человечество”». Проекты «пришли к исчерпанию, к тому завершающему итогу, где жертвы, уже понесенные и угадываемые впереди, перевесили добытое во благо». Запомним о жертвах, угадываемых впереди⁵.

Со времен М. Я. Гефтера мы изрядно похудели по части «страны стран», но рациональности в понимании исторического процесса отнюдь не прибавилось. Иначе не продолжали бы мы с таким незавидным постоянством пересочинять собственную историю. Неорациональность должна учитывать присутствие познающего субъекта в познании, что и происходит в физике элементарных частиц. Правда, она платит за это непрос-

венностью термина «сознание». При чем следует отметить — научной непросвенностью понятия. В области истории присутствие «*cogito*» является глубинным, но не исчерпывающим фактором процесса — из этого проистекает вся сложность исторического выбора. Не каждый из нас — физик, но каждый — историк. И каждый привносит в понимание истории часть своего «я». Трудность еще и в том, что на «я» могут оказывать деформирующее влияние иные, чем «*cogito*», факторы, главнейшим из которых является власть. Власть проникает в головы, рекомендует и формирует «логику идей» и «убеждения» — отсюда конфликты власти и интеллигенции. Но и освободившись от влияний власти, точнее, властей — политической, финансовой, власти «незыблемого авторитета» и прочей социальной «постнеорациональности», мысль все-таки привносит «человеческий фактор» в трактовку и отбор исторических событий. Тем более что полное освобождение может быть только в фантазии.

Чтобы освободиться от этой всепроникающей назойливости произвольного «я», следует строго придерживаться рекомендаций гениального Канта. Он советовал каждому из нас мыслить самому; мыслить непротиворечиво; смотреть на собственную мысль глазами другого, то есть стать гражданином мира. Есть еще, скажем, восходящий к нашим греческим учителям «диалог» — как способ отыскания истины; но ни один, ни все вместе эти способы не ведут на вершины Непогрешимости, хотя каждый отстаивает право на классическую и неклассическую рациональность. Возможно, потому, что непогрешимость не допускает устройство природы, лишенной Абсолютного Наблюдателя.

Напомню, что я взялся и рассуждаю о «философии истории», а это

⁵ См. М. Я. Гефтер. Из тех и этих лет. М., 1999. С. 465.

понятие является не более прозрачным, чем сама «история». Но оно определенно включает представления о характере и движущих силах, о месте различных культур и цивилизаций в отдельных периодах и в общем потоке истории; отвечает на вопросы о ее предопределенности, познаваемости и предсказуемости. Философия истории обязана предложить ответы на вопросы: каковы цели, в чем назначение и смысл, «идея» человеческого существования? Она обязана рассказать о начале истории и о ее возможном завершении и неизбежном конце.

По вопросам предыстории, появления и ходу истории я, пожалуй, отошлю читателя к работам крупнейшего специалиста по этим проблемам В. Ж. Келле⁶. Я же, сообразуясь с собственными мыслями, стану считать началом истории время, когда из недифференцированного сознания стали вычлениваться особые парадигмы. Я говорю об «осевом времени», предложенном Карлом Ясперсом. Тогда на Востоке и Западе создавались представления о добре и зле как способах регуляции поведения, отличных от примера и обычая. Тогда формировалось упоминавшееся «Золотое правило нравственности»: «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой».

С тех пор мы шагаем путями добра и зла по столбовым дорогам и бездорожью жизни. Дошли до дуализма добра и зла, до извечной борьбы Христа и Антихриста, Ормузда и Аримана, света и тьмы. Дошли до понимания неизбежности, даже полезности, теней, как Воланд Михаила Булгакова, как дошли до этого Гейне в «Путевых картинах», Анатолий Франс (Тибо)

⁶ См., в частности «Человек вчера и сегодня». Вып. 3: Историческое многообразие как проблема методологии. М., 2009.

в «Саде Эпикура», Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) в «Задиг, или Судьба», маркиз де Сад в «Новой Жюстине» и многие другие.

Никто, полагаю, не станет возражать против того, что выбор (в той мере, в какой он является сознательным) зависит от типа сознания, участвующего в выборе. Зависит от ценностных установок и предпочтений, от, так сказать, направлений ума — направленности его на объективную реальность и факты или ориентации на идеалы. Но, возможно, все это в одном уме перемешано.

Много говорили и говорят о соотносительности, взаимозаменяемости, взаимопользости добра и зла, о том, что только наличие зла делает добро осмысленным. И вот для добра мы убиваем друг друга в войнах, для собственной пользы позволяем индустрии осуществлять неконтролируемый выброс угарного газа, диоксида углерода в атмосферу и пр., чреватое «парниковым эффектом», «ядерной зимой» и другими (для блага) вариантами экологической катастрофы. К ней нас ведет неконтролируемая сознанием эволюция. Возможно, нам не удастся пройти весь путь от Альфы до Омеги, обещанный антропологом, эволюционистом, католиком о. Тейяром де Шарденом.

Мы подошли к центральному вопросу сегодняшнего человеческого выбора — «Быть или не быть?». Полагаю, что исторический выбор — это не одномоментный или краткосрочный акт, осуществляемый одним лицом или небольшой группой лиц. Последние могут только нажать спусковой крючок механизма, выстроенного и подготовленного массовыми движениями. Движениями во времени — коротком, если учитывать сегодняшнее уплотнение исторического времени.

В конце прошлого столетия человек выдающегося, универсального ума,

охватывающего математику, физику, биологию, обществознание, историю мысли, и большой друг философии академик Н. Н. Моисеев написал книгу «Быть или не быть... человечеству?», которую нет смысла пересказывать, но следует непременно прочитать. Подобно другой, написанной четырьмя годами ранее работе «Современный рационализм», она не только не утратила своего значения, но стала еще более актуальной. Исходя из собственного понимания универсального эволюционизма, Н. Н. Моисеев развивает идею коэволюции человеческого общества и биосферы⁸. Эта коэволюция идет таким образом, что человек постепенно, используя ресурсы природы, переводит биосферные параметры в состояние, опасное для самого существования человека. Насколько я понимаю автора, выход он видит в активном корректирующем вмешательстве сознания в стихию бифуркаций и синергетику, так скажем, человеческого «мира миров». Но следует торопиться!

Конечно, окончательные ответы на фундаментальные вопросы относительно будущего всегда остаются за будущим. Будущее непредсказуемо, потому что идущие за нами сами выберут свои дороги. Но, может быть, будущее сотворимо совместными усилиями? Создать условия для свободных усилий наших потомков — может быть, в этом заключается ограничение нашей свободы выбора? Вместо того чтобы воровать у внуков и правнуков невосполнимые запасы

нефти и газа, лучше поискать альтернативные источники энергии. Лучше затеять упомянутую «перестройку» сознания, привлекая единую систему воспитания и образования. Образование должно включать углубленное гуманитарное знание; нам следует не урезать, как сегодня, гуманитарную составляющую образования, а делать ее более строгой. Мы обязаны противопоставить разъедающей мысли и «полноту ума» узкой специализации новое синтетическое мышление, включающее в том числе экологию и антропологию.

Необходим синтез строгого естествознания и человекознания, наук и культур. Впереди светится движение к недостижимой, но желаемой полноте знания, движение к универсальному, к Университету, и возможный диалог с грядущими поколениями. Нужна свобода, ограниченная ответственностью, замкнутая на ответственность. Если не обречем историческую ответственность, то будем за свою свободу и алчность, за выбор скоро наказаны по законам природы. Вопросы выбора, как никогда ранее, являются судьбоносными.

Вопросы остаются, множатся — ответы усложняются. Но вопрос — это то, что предваряет выбор. В том числе осознанный, свободный выбор или выбор свободной ответственности, выбор свободы или свобода выбора — кому как больше нравится. Одно из необходимых условий для подобного выбора сформулировано и тянется из седой древности. Оно заключается в настоятельной рекомендации Дельфийского Оракула: «Познай самого себя!»

⁸ См. Н. Н. Моисеев. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.